

2. Никифоров-Волгин, В.А. Ключи заветные от радости / В.А. Никифоров-Волгин. – М.: Даръ, 2010. – 432 с.
3. Церковь и религия // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь / [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/society_ru/. – Дата доступа: 01.04.2017.

ПРОТОИЕРЕЙ ЕВГЕНИЙ ГРОМЫКО

МАГИСТР ТЕОЛОГИИ, АСПИРАНТ Минской духовной академии

ДОКУМЕНТЫ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОБОРА ОБ ЭКУМЕНИЗМЕ

Второй Ватиканский собор явился важной вехой не только в истории Римо-Католической Церкви, но и всего христианства в целом. Именно на этом соборе были приняты важные документы, благодаря которым, Католическая Церковь сделала шаг навстречу другим христианским конфессиям. Именно тогда были предприняты первые попытки диалога в новейшее время. Ватикан впервые посмотрел на Православных, не как на «схизматиков» и «еретиков», а как на «Церковь-Сестру». Конечно, диалог, хотя и начался благоприятно, но, к сожалению, не привёл к объявленным результатам. Две Церкви по-прежнему разделены. И упоминаемое в документах понятие «Экуменизм» настолько стало часто употребляться в наше время, что потерялся его изначальный смысл. Мы же попробуем проследить, что заключало в себе данное понятие для Святого Престола. А для этого возьмём основные документы, касающиеся этой темы.

Первым документом, который оказал существенное влияние на православно-католические отношения, а также заложил основы диалога между Русской Православной и Римо-Католической церквями, стал декрет «Unitatis Redintegratio», известный также, как Декрет «Об Экуменизме».

Начинается он со Вступления, в котором подчёркивается то, что задача восстановления христианского единства – одна из главных задач Второго Ватиканского собора. Отмечается, что разделение явно противоречит воле Христа и что экуменизм – движение исповедующих Троицу Единого Бога и Иисуса, как Господа и Спасителя, к Единой видимой Церкви Божией [3, с. 121].

В первой главе, «О католических началах экуменизма», говорится о единстве верующих во Христа, которое знаменуется и осуществляется в таинстве Евхаристии, о Духе Святом, начале этого единства и об особой роли апостола Петра для утверждения повсюду Святой Церкви Божией и управления ею. Далее говорится о разделениях не без вины людей с той и с другой стороны. Но, несмотря на препятствия для общения церковного, католики справедливо признают их братьями в Господе, потому, что они (братья) тоже крещены и сращены со Христом [3, с. 125].

И, хотя их общины и страдают недостатком, они не лишены значения и ценности. Но всё же разъединённые братья не пользуются тем единством, которое установил Христос. Ибо только собору апостолов, глава которого Пётр, было вверено всё богатство Нового завета с тем, чтобы создать на земле Единое Тело Христово [3, с. 126].

Далее разъясняется, что экуменическое движение суть все действия и начинания, которые в связи с различными нуждами Церкви и согласно требованиям времени, возникают и направляются на пользу единства христиан.

Католики же должны заботиться о разъединённых с ними братьях, молясь о них, беседуя с ними о церковных делах, делая первые шаги к ним. Ведь разделения христиан препятствуют кафоличности Церкви [3, с. 127].

Епископам по всему лицу земли необходимо заботливо продвигать и благоразумно направлять экуменическое движение [3, с. 128].

Во второй главе, «Об экуменическом делании», говорится, что забота о восстановлении единства лежит на всей Церкви, как на верующих, так и на пастырях. Для достижения единства необходимо также и обновление Церкви. Христос призывает Церковь к беспрестанному исправлению. Различные виды деятельности Церкви, в которых обновление уже совершается, надо считать залогами и благоприятными признаками, предвещающими успешное развитие экуменизма. Подлинный экуменизм немислим без внутреннего обращения. Христиане должны быть достойны своего звания, «сохраняя единство в союзе мира» (Еф. 4; 1-3). Единству способствует именно более чистая жизнь по Евангелию, в которой чем ближе люди будут к Богу, тем ближе будет их общение. «Душой» экуменического движения должна считаться святость жизни, соединённая с молитвой о единстве христиан, завещанная Господом в Его Гефсиманской молитве: «Да будут все едино» (Ин. 17; 27). В такой молитве католики могут и должны соединяться в молитве с разъединёнными братьями. Общение же в таинствах нельзя считать средством для единства христиан, которое не следует применять неосмотрительно. Такое общение зависит главным образом от двух предпосылок: от единства Церкви, которое оно должно ознаменовать и от участия в средствах благодати. В каждом конкретном случае применимость подобных средств должен решать местный епископ, если не будет по этому поводу иных постановлений епископского окружного совещания или Святейшего Престола. Также надо знать устроение, душу разъединённых с католиками братьев. Для этого католикам необходимо проводить собрания с не католиками, для выяснения вопросов, в особенности богословских. В таких беседах католики смогут больше узнать о Христианских не католических Церквях и разъяснить им положение Католической Церкви и её веру [3, с. 130].

Очень важно, чтобы католическое учение, исторические и богословские дисциплины излагались в духовных учебных заведениях не в полемическом предоминировании, а точно, особенно в вопросах, касающихся разъединённых с Католической Церковью братьев. Само Католическое учение должно быть излагаемо в полноте и ясно. Необходимо избегать «ложного иренизма», который повреждает чистоту Католического учения и затемняет его подлинное содержание. Но, с другой стороны, необходимо соблюдать «иерархичность истин» в экуменическом диалоге. В заключение главы говорится о необходимости сотрудничества всех

христиан в социальной сфере, чтобы «служить делу мира и преодоления несчастий нашего времени». Такое сотрудничество может послужить делу единства [3, с. 132].

В третьей главе, «О церквях и церковных общинах, разъединённых с Апостольским Римским Престолом», говорится о двух главнейших категориях, повреждающих «Нешвенный Хитон Христов». К первой относятся отделённые Восточные Церкви – Православная и Древне-Ориентальные. Ко второй – Церкви, возникшие в результате реформации [3, с. 133].

В первом подразделе, «Особые соображения, касающиеся Восточных Церквей», отдаётся дань уважения прошлому и настоящему этих Церквей. Они сосуществовали с Римом, причём Рим был умиротворяющим началом [3, с. 134].

Из сокровищниц Восточных Церквей Западная почерпнула многое в области богослужения, духовного предания и канонического права. Основные догматы Христианской веры были также выработаны на Вселенских Соборах, проходивших на Востоке. Но наследие, переданное Апостолами, принималось по-разному, по-разному и объяснялось в соответствии с различиями народного гения. Всё это при недостатке взаимного понимания и любви, дало повод к разделению. Поэтому собор увещевает всех уделять внимание особым условиям возникновения и роста Восточных Церквей и представить себе об этом правильное суждение [3, с. 134].

Далее в документе воздаётся хвала благочестию восточных христиан и констатируется, что эти Церкви, хотя и разделены с Католической Церковью, всё же обладают истинными таинствами, особенно в силу апостольского преемства. Некоторое общение с восточными христианами в таинствах, при подходящих обстоятельствах и с одобрения церковной власти, не только возможно, но и желательно [3, с. 135].

Для примирения Востока и Запада и верного сохранения полноты христианского предания очень важно чаще обращаться к духовным сокровищам Востока.

Некое различие образа жизни и обычаев не противоречит единству Церкви, но даже увеличивает её красоту. Поэтому Восточные Церкви могут управляться согласно своим уложениям, как более подходящим характеру их верующих и более способствующих благу их душ. Строгое соблюдение этого начала относится к числу предварительных условий для восстановления единства. Законно и различие богословских способов изложения вероучений на Востоке и на Западе. Они не противоречат, а дополняют друг друга.

Далее собор обращается к католикам с пожеланием установления более близкого контакта с восточными христианами, живущими в настоящее время вдали от родины для возрастания братского сотрудничества с ними в духе любви, исключая всякий дух соперничества.

В конце подраздела высказывается надежда на то, что все разделения будут преодолены и останется «только одна обитель с Краугольным Камнем – Христом, который соделает из двух одно» [3, с. 136].

Во втором подразделе, «О разъединённых с нами Церквях и церковных общинах на Западе», указывается на «особую родственную близость» этих Церквей с Католической Церковью в силу общих корней. Но различие их как с Католической Церковью, так и между собой, столь велико, что декрет отказывается дать им точное определение [3, с. 136].

Но для установления экуменического диалога всё же есть основания:

Во-первых, все протестанты признают Христа, центром церковного общения, хотя существуют разногласия большой важности, не только исторического, социологического, психологического и культурного свойства, но в первую очередь в истолковании истины откровения [3, с. 137].

Во-вторых, заслуживает уважения любовь протестантов к Священному Писанию. Поэтому Божественные Глаголы являются превосходнейшим орудием во Всемогущих Руках Божиих для достижения единства [3, с. 138].

Также Католическую Церковь с протестантами объединяет Таинство Крещения, устанавливающее таинственный союз единства, существующий между возрождёнными им. Крещение есть только начало, а вот учение о Евхаристии и прочих таинствах должно стать предметом диалога [3, с. 139].

Христианская жизнь протестантов питается верой во Христа. Она подкрепляется благодатью Крещения и слушанием Слова Божия. Также, их богослужение включает нередко значительные части древней общей литургии. Далее объясняется возможность диалога в области евангельского нравоучения.

В Заклучении документа собор предостерегает верующих от всякого легкомыслия или неразумного рвения, могущих повредить подлинному продвижению к единству, ибо экуменическая деятельность должна быть вполне и искренне католической. В самом конце выражается пожелание об объединении в конечном итоге всех христиан в единстве одной и единственной Церкви Христовой с помощью Божией [3, с. 139].

Таков вкратце этот исторический документ.

Сразу бросается в глаза, что в этом документе так и не уточнены новые принципы практического отношения Римско-католической Церкви к экуменизму, кроме предписанных ещё энцикликой Папы Пия XI «Mortalium animos» (1928), хотя и не подтверждающих прежних. Неудоборешаемый вопрос остаётся открытым. Само определение понятия «Экуменизм» не даётся в специфическом смысле этого слова [4, с. 61].

Всё внимание сосредоточено на экклезиологических вопросах, в частности на вопросе о принципах и формах воссоединения [4, с. 62].

Вопрос ещё и в том, с какой точки зрения смотреть на нынешнее положение христианства, разделённого на множество конфессий. Одни считают это положение нормальным, другие считают это положение несогласным с волей Божией, а будущее единство видят в создании Единой Церкви из разъединённых ныне частей. Некоторые полагают достаточным введение «интеркоммуниона» при сохранении конфессиональных группировок и без устранения причин разделения [4, с. 63].

Но истинной может быть лишь точка зрения, основанная на правилах Святых Апостолов, Святых Отцов

и Вселенских Соборов. Допуская разнообразие обрядов и свободу богословских суждений, Церковь всегда считала тяжким грехом отпадение от церковного единства. Восстановление единства Церковь всегда видела в возвращении к единству веры и полноте церковного общения тех, кто лишился этой полноты [4, с. 64].

Декрет «Об Экуменизме», озаглавленный «Unitatis Redintegratio» стоит на тех же позициях. Несомненно, существует церковное течение, вполне сохранившее в своём учении верность Апостольскому наследию, и существует сторона, нарушившая его. Осознание этого должно облегчить взаимопонимание участников диалога [4, с. 65].

Очень лоялен и подраздел «О Восточных Церквях», который представляет достаточно широкую свободу для Поместных Церквей Востока, что показывает благожелательное расположение Рима к Восточным Церквям. Важно и высказанное в документе уважение к традициям и богословию Востока. Таким образом, официально декларировалось, что единство Церквей мыслится, как единство Церквей-сестёр, и нет здесь места подчинению одной Церкви другой. Отсюда получается, что документ был несомненным шагом навстречу объединению с Восточными Церквями [4, с. 68].

Со стороны Католической Церкви наблюдалось видимое благожелательное отношение к Востоку, о чём свидетельствует восточная политика Папы Павла VI. Эта политика не была «капитуляцией перед советским режимом», как считали многие. Напротив, это была попытка ослабления динамизма советской системы, с целью смягчить остроту противостояния, создать видимость улучшения отношений между Москвой и Ватиканом, христианизировать атеистическую советскую систему [1, с. 114].

Кроме декрета «Об Экуменизме» II Ватиканский собор принял и другие документы, в которых излагалось отношение Римо-католической Церкви к другим Христианским Церквям, в том числе и к Православным.

Ещё одним таким документом, принятым на Соборе является Догматическая Конституция «о Церкви», которая имела название «Лумэн гентиум» («Свет народам»).

В ней, в частности говорилось о Церкви, как народе Божием, обществе крещёных людей, паломничающих через историю, и главой которого является Христос. Конечной целью является объединение всех людей. Это утверждение давало доктринальную основу для сотрудничества Римско-Католической Церкви с другими христианами и последователями нехристианских религий, а также утверждало миссионерскую роль всего народа Божия.

Также велась речь о коллегиальности епископов. Но, с подачи папы Павла IV была утверждена безраздельно абсолютная полнота единоличной власти одного Папы. Подчёркивалось, что основной чертой истинного епископата является общение с понтификом как Наместником Христа и Главой епископской коллегии. Таким образом, коллегиальность в конечном итоге только усилила и укрепила папскую власть через придание ей форм соборного волеизъявления и приспособление её к условиям современной эпохи.

Однако, наибольший интерес для нас представляет Декрет «О Восточных Католических Церквях» (униатских), история которых неотделима от Рима. В начале 60-х годов их влияние на Восток было значительным. За всё время с 1054 года папство пыталось придать своей Поместной Римской Церкви характер Церкви Вселенской. Католическая доктрина утверждала, что единственная истинная Церковь Христова есть Церковь Римская. Из этой доктрины проистекали все виды католического прозелитизма и миссионерства. В Католическую Церковь вовлекались отдельные неопиты или целые народы – части других Церквей. Таким образом, в лоно Католической Церкви стали попадать религиозные общины, сохранившие свой внутренний уклад, обычаи и традиции, ранее не свойственные Католицизму. Это – Восточные обряды, и они до сих пор существуют в Римской Церкви [2, с. 316-318].

В документе, касающемся Восточных униатских Церквей, основные положения сводились к следующему: увеличение автономии Восточных Униатских Церквей по отношению к Римской конгрегации, и расширение прав и прерогатив Патриархов и епископов этих Церквей. Римская Церковь показывала, как высоко она чтит древние традиции, привилегии и особенности канонического строя. А в действительности это можно было оценить как оперативное увеличение дееспособности восточных униатов накануне диалога с Православными Церквями. Предполагалось открытие новых епархий, приходов, развитие просветительской и благотворительной деятельности на Православном Востоке. Такое явное поощрение прозелитизма вызвало недовольство православных наблюдателей на Соборе [2, с. 325-326].

Декретом были недовольны не только православные наблюдатели, но сами восточные Отцы Собора, которые выступали против латинизации и западных тенденций в документе [2, с. 326].

Много толков и недоумения вызвало положение, позволяющее общение в таинствах с православными. Разрешалось католическим священникам преподавать таинства Покаяния, Евхаристии и Елеосвящения православным, если они того пожелают, равно как и католикам позволялось участвовать в таинствах Православной Церкви в ситуациях, когда нет объективной возможности получить его у католического священника [2, с. 326-327].

Разрешение участвовать в таинствах, при определённых обстоятельствах, между православными и католиками было воспринято в Римской Церкви как шаг к объединению, думая, что это вызовет одобрение у православного мира. Однако, причин для радости не было. Это решение было принято в одностороннем порядке. Рим не только не спросил у православных, желают ли они этого и считают ли это возможным, а односторонне «милостиво» даровал это право от себя. Был ещё один важный момент в этой ситуации. Дело в том, что православные гораздо больше рассеяны среди католического населения в странах Запада, чем католики среди сплошного православного населения. Получалось, что это решение было явно в пользу католиков и от «*communicatio in sacris*» выигрывала только Католическая Церковь [2, с. 327-328].

Документы собора не носят вероучительного характера, а, скорее, имеют практическое значение [2, с. 348].

Как видим, Католическая Церковь, вроде бы сделала шаг навстречу Православным. Но вызывает опасения упор на главенство апостола Петра. Особенно, если учесть основные догматы Римско-католической

Церкви об экклезиологии. Ведь декрет «Об Экуменизме» фактически с настойчивостью подтверждает догмат о главенстве Папы Римского, который был сформулирован так ясно и прямолинейно, что его можно либо принять, либо отвергнуть, а любые попытки перетолковать его заранее обречены на провал. В догматической конституции «О Церкви» он только подтверждается [4, с. 70].

Отсюда возникает законный вопрос – насколько распространится свобода Восточных Церквей в случае объединения? Получается, что Востоку, хотя и будут предоставлены свободы, но они подпадают при этом под власть Римского епископа, что для Востока является неприемлемым, поскольку Восток никогда не подчинялся Риму. Как видно из всего вышесказанного, эти документы с самого начала содержали в себе ряд нерешённых проблем, пути к решению которых, необходимо было вырабатывать в непосредственных диалогах между Западной и Восточной Церквями [4, с. 70].

Дальнейший диалог показал, что Католическая Церковь оказалась не готовой идти на компромиссы, и единство Церкви видела только под главенством Римского Папы, что, в конечном итоге, и сделало невозможным дальнейший диалог об объединении.

Литература:

1. Боровой В., протопресв. *И он был верен до смерти*. Сб. – Человек Церкви. М, 1998.
2. Второй Ватиканский собор. Конституции, Декреты, Декларации: Сб., Брюссель 1992.
3. Васильева О. Ю., Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор. Факты. События. Документы, «Лепта», Москва 2004. Второй Ватиканский собор. Конституции, Декреты, Декларации: Сб. Брюссель, 1992.
4. Огицкий Д., Декрет Второго Ватиканского собора «Об Экуменизме», «Журнал Московской Патриархии», 8 (1968), с. 61 – 72.

ВАСИН А. Е.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СШ № 40 г. Минска

ОБЗОР ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ «ПОИСКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИИСУСА» В НОВОЗАВЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XX В.

На протяжении почти двух тысяч лет человек пытается познать тайну Иисуса Христа. Споры о Нем не прекращались и вряд ли когда-нибудь умолкнут. Одни верят и любят Иисуса Христа так, что и жизнь свою не пожалеют ради Него, другие, напротив, прилагают все возможные усилия, чтобы стереть память о Нем. Есть и третьи которым всё равно, но практически все знают о Нем или что-то слышали. И вопросов возникает огромное количество, начиная с «существовал ли Он на самом деле?» и, заканчивая, «кем Он был и что Он делал?». И если на первый вопрос уже мало кто даст отрицательный ответ. «Ученых, которые утверждали, что Иисус никогда не существовал, или пытались усомниться в реальности событий Его жизни и служения, на удивление мало. Все подобные попытки встречали шумный протест научного сообщества» [9]. Тогда как с последними вопросами всегда возникало много проблем. Но мы не будем касаться всей истории этих споров, а затронем лишь малую часть этого проблемного поля.

Иисус является ключевой фигурой христианства. Его началом, центром и эсхатологическим ожиданием. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8). Он важнейшим из всех людей кто жил на земле, Бог стал человеком в определенный момент истории выразив себя в конкретном историческом лице. Поэтому-то и вызывает интерес события жизни Иисуса Христа, его слова и действия. «И в том случае, если собственное свидетельство Иисуса было как-то дополнено или искажено в последующем, то вполне законно будет желание устранить эти дополнения или искажения. Верующий хочет встретиться с самим Иисусом, а не с кем-то, облаченным в одежды, позаимствованные у философов. Если Иисус на самом деле был воплощенным Богом, то, наверное, сказанное и сделанное им было достаточно весомо, и тогда любое последующее дополнение лишь отвлекает от собственного свидетельства Иисуса» [4 с.10–11].

Возможно, это и были причины, которые послужили такому направлению научных исследований как «поиск исторического Иисуса». По своей структуре этот поиск имел академический характер. Однако его главной движущей силой было неутолимое любопытство и страстное желание удостовериться в реальности этого исторического феномена, что свойственно для многих людей разных эпох и традиций. [4 с.11].

Вот уже более двух столетий разные ученые занимаются поиском «исторического Иисуса». Началом этого поиска послужили современные научно-исторические исследования Нового Завета. Зачастую кажется, что главная цель новозаветных исследований – найти «исторического Иисуса». Во всех этих штудиях участвуют тысячи ученых. Прделана колоссальная работа, в результате которой сотни книг, как научных, так и популярных. Интерес к поиску исторического Иисуса временами угасает, а затем снова появляется с ещё большим количеством исследователей. «Одни называют этот поиск ложным, бесплодным, или же утверждают, что он уже закончен. Другие отвергают результаты, достигнутые их предшественниками, и всецело полагаются на новые подходы и методики, которые, по их расчетам, должны принести успех там, где все остальные потерпели поражение. В различных стадиях поиска Иисуса отражаются целые эпохи культурной и религиозной истории западного мира. Отношение к поиску – положительное, отрицательное или неоднозначное – определяет собой целые богословские школы» [2].

В протестантской среде во второй половине 18 века появляется идея реконструкции облика «исторического Иисуса», основная цель которой освобождение от позднейших церковных наслоений [5, с. 65].

«Поиск исторического Иисуса» в научной среде обычно делится на несколько этапов, конечно, все они условны, потому что некоторые проблемы исследуются спустя какое-то время вновь и не заканчиваются резко с наступлением нового этапа. Это скорее выделение значимых исследователей и появление новых идей и концепций.